

УДК 343.9.018.3

DOI [10.17150/1996-7756.2015.9\(3\).483-493](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(3).483-493)

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА НА ИЗМЕНЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

М.В. Бавсун

Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

15 мая 2015 г.

Дата принятия в печать

6 июля 2015 г.

Дата онлайн-размещения

30 сентября 2015 г.

Ключевые слова

Политика; общественная
нравственность; конституционный
строй; общественная безопасность;
экономика

Аннотация. В статье поднимается проблема влияния факторов геополитического характера на трансформацию уголовно-правовой политики в России. В частности, анализируются конкретные события, произошедшие в мире в последнее десятилетие, и те изменения, которые были внесены в Уголовный кодекс Российской Федерации за этот же период. Особое внимание уделяется событиям на Украине, которые повлекли за собой серьезную трансформацию целой совокупности общественных отношений, включая сферу уголовно-правового регулирования. Отмечается, что основные усилия законодателя при этом были направлены на расширение пределов уголовной ответственности за посягательства на конституционный строй, общественную нравственность и экономическую безопасность государства. Все составляющие повышенного внимания власти к указанным группам общественных отношений на сегодняшний день находятся под серьезным воздействием извне, что подтверждается многочисленными примерами, взятыми из внешнеполитического пространства на современном этапе развития общества. В качестве вывода отмечается, что итогом происходящих в мире событий является смена основной идеи противодействия преступности, в результате чего интересы государства начинают преобладать над интересами личности, о чем свидетельствуют те изменения, которые происходят как в отечественном, так и в зарубежном уголовном законодательстве. С учетом происходящих на данный момент изменений геополитического характера отмечается, что дальнейшая трансформация средств уголовно-правового противодействия преступности в данном направлении будет только усиливаться, приобретая при этом все более жесткий и бескомпромиссный характер. Реализация подобного подхода представляет собой неизбежный процесс, выступающий в качестве естественной реакции на происходящие события.

THE IMPACT OF GEOPOLITICAL FACTORS ON CHANGES IN THE STATE CRIMINAL LAW POLICY

Maxim V. Bavsun

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Omsk, the Russian Federation

Article Info

Received

2015 May 15

Accepted

2015 July 6

Available online

2015 September 30

Keywords

Politics; public virtue; constitutional
order; public safety; economy

Abstract. The paper discusses the impact that geopolitical factors have on the transformation of criminal law policy in Russia. Specifically, the author analyses some global events of the last decade and the changes introduced in the Criminal Code of the Russian Federation in the same period. The paper pays special attention to events in Ukraine that caused a serious overhaul of a wide range of public relations including the sphere of criminal law regulation. The author notes that the legislators' special efforts were aimed at widening the scope of criminal liability for the infringement of the constitutional system, public virtue and the economic safety of the state. Today there is a profound external influence behind the close attention that the authorities pay to the above-mentioned categories of public relations. This claim is supported by numerous examples from the sphere of foreign policy at the present stage of social development. The author concludes that contemporary global events brought about a shift in the key idea of counteracting crime; as a result the interests of the state begin to outweigh the interests of an individual, and the changes in both Russian and foreign criminal legislation are testimony to this thesis. Taking into account contemporary geopolitical changes, the author notes that in the future the transformation of criminal law measures of crime counteraction will progress even more and more intensively in this direction and will only grow tougher and more uncompromising. The implementation of this approach is an unavoidable process as it is a natural reaction to what is happening.

Зависимость национальных законодательств от факторов геополитического свойства на сегодняшний день становится все более значимой. Особенно заметным это оказывается на фоне наблюдаемых в последние несколько лет серьезных «тектонических» сдвигов в современной внешнеполитической деятельности не только России, но и в целом мирового сообщества. После бомбардировки и последующего раздела Югославии в 1999 г. мы стали свидетелями многочисленных событий, выходящих далеко за пределы сферы интересов отдельно взятых государств, при этом оказывающих самое непосредственное воздействие на их как внешнеполитический, так и внутривнутриполитический курс. Что характерно, сфера уголовно-правового регулирования общественных отношений в их содержании занимает далеко не последнее место. Среди таких событий с уверенностью можно выделить прецедент, созданный в Косово, расширение блока НАТО на восток, а также трансформацию, произошедшую на Ближнем Востоке, а именно войну в Ираке, Афганистане, Сирии, Ливии; усилившееся давление на Иран; столкновения Израиля с Палестиной и т.д. Как самостоятельное событие геополитического масштаба необходимо выделить и 11 сентября 2001 г., оказавшее влияние на пересмотр критериев безопасности во всем мире. Наряду с тем, что произошло совсем недавно на Украине, а также в Гонконге (осень 2014 г.), Йемене и Франции (январь 2015 г.), указанные и многие другие события образуют совокупность обстоятельств, реакция на которые национальных законодательств различных стран не может быть нейтральной. Это касается и Уголовного кодекса Российской Федерации, зависимость которого от, казалось бы, напрямую к нему не относящихся событий крайне высока.

Интересно, что в период с 2012 по 2015 г. отечественным законодателем в УК РФ, по сути, было внесено беспрецедентное количество изменений, направленных на увеличение объема репрессии за преступления против основ конституционного строя и государственной власти. В указанный отрезок времени в результате правотворческой деятельности в нормы, предусмотренные гл. 30 УК РФ, было внесено 20 поправок. Начиная с 1996 г. (с момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации) по 2011 г. включительно законодатель в общей сложности 18 раз корректировал данную главу. То есть в период, в пять раз превышающий

рассматриваемый, законодательная активность в данном направлении была несоизмеримо ниже. И если в последние три года те или иные изменения в главу, регламентирующую ответственность за посягательства на основы конституционного строя, вносились в среднем порядка семи раз в год¹, то до этого момента активность правотворца равнялась 1,15 изменений в год.

Из этого следует неизбежный вывод о произошедшей трансформации подхода законодателя к правовой регламентации целого ряда аспектов ответственности за посягательства на данную группу общественных отношений. И эта трансформация не может быть объяснима с позиции лишь внутривнутриполитических изменений или изменений экономического, социального, а равно иного свойства. Крайне важную роль в проявленной активности законодателя сыграли как раз факторы геополитического характера, возникновение которых пришлось именно на рассматриваемый период — начиная с 2011 г. и завершая годом 2015-м. Не менее показательным примером такой реакции государства на события в мире служит появление в главе «Преступления против мира и безопасности человечества» статьи, в рамках которой устанавливается ответственность за реабилитацию нацизма (ст. 354¹ УК РФ). Ее включение в Уголов-

¹ В основном усилия законодателя были направлены на ужесточение ответственности за рассматриваемую группу посягательств (например, это касается ст. 280, 280¹, 282, 282¹ УК РФ — всего порядка десяти изменений). Помимо этого, законодатель включил в содержание главы три новые нормы. Это ст. 282³ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ст. 283¹ «Незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну», ст. 284¹ «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности». Ряд статей при этом был подвергнут изменениям в части их диспозиций. Речь, в частности, идет о ст. 275, 276, 280¹, 282² УК РФ и др. Что характерно, половина всех изменений, внесенных в данную главу в период с 2012 по 2014 г., приходится на составы, предусматривающие ответственность за экстремистскую деятельность; остальные равномерно распределяются между другими составами преступлений, начиная с государственной измены и заканчивая ст. 283¹ УК РФ «Незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну». 2 мая 2015 г. в Уголовный кодекс были внесены изменения, ужесточающие наказание за призывы к терроризму или его оправдание в средствах массовой информации.

ный кодекс объяснимо с позиции случившегося на Украине в 2013–2015 гг., где именно всплеск националистических идей, активно поддерживаемых другими государствами (в частности, Польшей, Литвой, Латвией, Эстонией и др.), привел, с одной стороны, к государственному перевороту, а с другой — к реанимации идей фашизма в наиболее крайних его проявлениях. Безусловно, территориальная, национальная и иная близость Российской Федерации и Украины не могла не повлиять в такой ситуации на содержание отечественного Уголовного кодекса. Охрана российского общества от реализации указанных выше и, казалось бы, давно забытых идей в одночасье стала не просто актуальной, а совершенно необходимой, причем не столько с позиции возможной репрессии (она, кстати, не столь высока в санкции рассматриваемой статьи), сколько с идеологической точки зрения.

Идеологическая составляющая уголовно-правовой политики государства играет определяющую роль и в случае с теми изменениями, которые коснулись главы «Преступления против государственной власти и основ конституционного строя». Все изменения были связаны либо с непосредственным усилением уголовной ответственности за деяния, предусмотренные данной главой, либо с детализацией отдельных признаков составов преступлений, также в основном направленной на расширение пределов воздействия на лиц, совершивших преступления данной группы. При этом трансформацию позиции законодателя по рассматриваемому вопросу нельзя назвать случайной. По времени своего возникновения реакция государства, нашедшая соответствующее отражение в том числе и в нормах уголовного закона, совпадает не только с украинскими событиями, ускорившими процесс изменения нормативной базы, но и с тем конфликтом с Грузией, который произошел еще в 2008 г., и последовавшей за обоими событиями реакцией мирового сообщества (в основном западных стран). Между тем увеличившиеся на фоне происходящего претензии Запада на природные богатства нашей страны наряду с откровенными (в том числе переходящими в прямую агрессию, как это было в случае с Грузией) нападениями на территориальную целостность Российской Федерации и непосредственно на руководство страны [1; 2] не могли оставить национальное уголовное законодательство в стороне от происходяще-

го. Этот тезис в полном объеме подтверждается приведенными выше данными относительно времени внесения изменений в соответствующие главы УК РФ и содержанием указанных изменений. В этой связи нельзя не согласиться с Н.А. Лопашенко, которая отмечает, что история последних месяцев продемонстрировала нам наличие такого фактора, оказывающего влияние на уголовно-правовое воздействие, как изменение международной обстановки [3, с. 18]. Вторит ей в этом отношении и Е.В. Кобзева, совершенно справедливо утверждая, что «угроза нарушения национальных интересов в результате преступной деятельности не менее, а иногда и более опасна, чем при совершении преступлений внутри страны» [4, с. 26]. Соответственно и международный фактор, включая в чистом виде его внешнеполитическую составляющую, в ходе корректирования уголовно-правовой политики государства с последующим совершенствованием отечественного уголовного законодательства не может оставаться недооцененным.

Впрочем, доминирование данного фактора не ограничивается лишь законодательным уровнем или даже уровнем уголовно-правовой политики в целом. Рассуждая относительно его роли, речь, полагаю, необходимо вести о том, что геополитическая трансформация может влиять не просто на изменение отдельных средств уголовно-правового воздействия или даже объема уголовной репрессии в целом, но и на смену самой идеи противодействия преступности. Смену такой идеи мы наблюдаем и сегодня, о чем свидетельствуют не только те изменения, которые характеризуют главу, направленную на охрану государственной власти и основ конституционного строя Российской Федерации. Хотя уже сам факт динамики развития данной части Уголовного кодекса в последние три года также достаточно красноречиво указывает на резко возросшую потребность в усилении защиты именно государства и именно средствами уголовно-правового воздействия. Это говорит о том, что в условиях изменяющейся мировой конъюнктуры, в результате чего в опасное положение в первую очередь попадают государственные устои, приоритет охраны всегда будет смещаться в сторону основ государственной власти и конституционного строя, в том числе в ущерб интересам личности.

Отдельно взятые события зачастую оказываются способны полностью сменить всю пара-

дигму уголовно-правового воздействия, начиная пределами и принципами его реализации и заканчивая отдельно взятыми средствами. Одним из наиболее ярких примеров практически безграничного усиления охраны указанных выше ценностей в ущерб правам и свободам личности является так называемый «патриотический акт», появившийся после 11 сентября 2001 г. в США. Данный документ демонстрирует, пожалуй, наиболее агрессивную политику в этом отношении. Акт, например, расширил полномочия ФБР и других спецслужб, которые получили право прослушивать телефонные переговоры, следить за электронной перепиской, требовать у библиотек и книжных магазинов данные о заказанных или купленных посетителями книгах. Кроме того, была введена уголовная ответственность за укрывательство террористов [5]. В данном акте, несмотря на его во многом неправомерный характер, тем не менее ярко выражена идея непримиримости противодействия наиболее опасным формам преступного поведения, посягающим в первую очередь на интересы государства.

Проблема терроризма поставила под угрозу прежде всего государство и его базовые ценности, такие как стабильность и безопасность. Речь в процессе ужесточения законодательства не шла об отдельных лицах, как и об их множестве. Основная часть изменений была направлена на охрану государства, что и предопределило, во-первых, цель – подавление терроризма любыми способами, во-вторых, задачи – охрану общества и государства от данного посягательства и предупреждение его новых проявлений. С учетом высокого уровня угрозы пределы подавления, охраны и предупреждения в конечном счете оказались практически ничем не ограниченными. Это в равной степени коснулось как уголовно-правового воздействия, так и мер организационно-правового характера. Идеи бескомпромиссности и непримиримости противодействия посягательствам, способным создать реальную угрозу безопасности государства и культивируемым в нем ценностям, объединяют принятые меры. Идея, сформировавшаяся под влиянием внешнего фактора, породила и цели, и принципы реализации, и задачи наряду с конкретными средствами противодействия¹.

¹ Фактически такой же акт был принят в 2015 г. во Франции. Его появление также напрямую связывается с террористическим актом, случившимся в начале этого же года в центре Парижа (см.: [6]).

Можно по-разному относиться к изменениям подобного рода, но нельзя не признать тот факт, что все они обусловлены внешними обстоятельствами, например реальной или мнимой внешней угрозой, будь то терроризм или возможность агрессии со стороны другого государства. Так, именно внешнеполитический фактор был положен в основу внесенных в УК Латвии изменений. В 2015 г. в него были включены такие статьи, как «Противоправное участие в вооруженном конфликте» (ст. 77¹), «Финансирование вооруженного конфликта» (ст. 77²), «Вербовка, обучение и отправка на вооруженный конфликт» (ст. 77³ УК Латвии)². Нет сомнений, что в качестве движущего мотива законодательной трансформации стали события, произошедшие на Украине, и участие в них в том числе граждан Латвии. Интересно, что в Эстонии поводом для внесения изменений в Уголовный кодекс также стало единственное событие, имеющее внешнеполитический окрас. Речь идет о деле экс-разведчика Эстонии Э. Кохвера, по итогам которого было принято решение о необходимости ужесточения Уголовного кодекса этой страны в части дополнительной охраны государственной безопасности и основ конституционного строя [7].

Безусловно, существуют и иные примеры того, как происходящие в геополитике изменения оказывают непосредственное влияние на содержание национальных законодательств разных и зачастую мало связанных друг с другом стран. Причем нельзя не отметить, что традиционно это содержание меняется в сторону усиления мер уголовно-правовой охраны государства, как правило, при этом не предусматривается дополнительных мер по защите интересов общества, не говоря уже об интересах отдельной личности. Более того, если вести речь о последних составляющих установленной в Конституции Российской Федерации триады ценностей, то именно они в результате происходящих процессов уходят на вторые роли. Между тем только в экстремальных условиях мы можем установить подлинный характер тех ценностей, которые нам предлагает основной закон, и, что самое главное, только в таких условиях мы можем сделать правильный вывод об их иерархии. Если учесть тот факт, что государство в условиях резко меняющейся геополитики

² Новый закон позволит сажать в тюрьму латвийских наемников. URL: http://baltnews.lv/riga_news/20150212/1013519400.html.

литической конъюнктуры в первую очередь спасает себя, то и вывод о приоритете государства над остальными ценностями также представляется вполне очевидным, хотя и далеко не всеми поддерживаемым.

В то же время переход к приоритетности защиты государства в условиях меняющейся обстановки указывает на смену самой идеи противодействия преступности, а не просто на изменение отдельных взятых средств борьбы с ней. Более того, идеологическая трансформация самого подхода к борьбе с преступностью во многом является возможной именно в результате воздействия внешних факторов и значительно реже реализуется за счет давления внутренних детерминантов.

Необходимо отметить, что мировой опыт в этом направлении значительно опережает опыт отечественного законодателя, создавая все больше условий для практически мгновенного реагирования на наиболее опасные посягательства, несущие в общество дестабилизацию как на нормотворческом, так и на политическом уровне. Об этом свидетельствует, например, провозглашенный (как выработанная реакция на постоянную внешнюю угрозу — конфликт с Палестиной) Израилем девиз, согласно которому «если кто-то попытается тебя убить, убей его первым», а также указ президента США Б. Клинтона 1998 г., разрешающий использовать смертоносное оружие против «Аль-Каиды» (см. об этом более подробно: [8]). Именно сотрудникам спецслужб США и отдельным сенаторам принадлежат такие высказывания, как: «Согласно традиционным законам войны тот, кто помогает противнику, сам является противником», «Те, кто собирает для террористов деньги, являются законными кандидатами на смерть» и т.д. [9, с. 584]. Принятие мер беспрецедентного характера, как и сами приведенные выше высказывания, свидетельствует о наличии в обоих государствах высочайшей потребности в крайне быстром и не менее жестком реагировании на преступления, в прямом смысле этого слова уничтожающие общество и разрушающие основы государственного устройства. Вполне естественно, что уголовное законодательство этих стран в условиях столь высокой политической мотивации не может долго оставаться в нейтральном состоянии, а его развитие изначально предопределено политической волей, обусловленной конкретными событиями, происходящими на мировой арене.

В России готовность действовать посредством реализации крайне жестких мер вылилась в принятие в 2006 г. Федерального закона «О противодействии терроризму», согласно которому разрешается уничтожение воздушного или плавательного судна в случае его захвата террористами и наличия реальной угрозы гибели людей или экологической катастрофы¹. Полагаю, что данный тезис достаточно сложно оценить прежде всего с позиции принципа законности, но он максимально соответствует идее целесообразности, доминирование которой стало возможным именно благодаря событиям, предшествовавшим принятию такого закона.

Объяснить появление подобного положения закона можно лишь с учетом происходящих в современном обществе изменений, а также отдельных событий, таких, например, как 11 сентября 2001 г. в США, теракты в Москве, Волгодонске, Беслане и т.д. На период принятия кодекса, а тем более Конституции, ситуации подобного рода с аналогичным общественным резонансом не были типичны для мирового сообщества. Следовательно, активность законодателя в этом направлении, причем активность, не имеющая аналогов в истории, наблюдается именно с того момента, когда о терроризме начали говорить как о мировой угрозе, а государство оказалось перед выбором: либо жизнь отдельного гражданина, либо собственная безопасность и стабильность. Законодателю в сложившихся условиях пришлось перестраиваться, что называется, на ходу, принимая при этом наиболее целесообразные, хотя и достаточно жесткие решения, для того чтобы получить эффективные средства защиты от возможной угрозы. Появившиеся нормы отображают условия действительности (они целесообразны), при этом, однако, они вступают в противоречие с той законодательной базой, которая существовала до этого момента времени. Между тем появление такого положения за рамками уголовного закона также указывает на его беспрецедентный характер, обусловленный тем, что законодатель при его разработке явно находился под давлением происходящих событий и острой потребности в срочной защите общества от возможности их повторения.

¹ О противодействии терроризму: федер. закон от 6 июня 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

Главенство государственных интересов в данном случае неоспоримо, а интересы мирных граждан (их родственников, друзей, коллег и т.д.) носят вторичный характер¹. Для власти перво-степенным является недопущение последствий, способных повлечь за собой дестабилизацию обстановки в стране, возникновение паники, значительный экономический ущерб и другие последствия, которые по количественному критерию явно превосходят смерть людей, находившихся на сбитом судне. Государство в таких ситуациях оставляет за собой право оценивать, какие последствия для него (и только для него) будут более, а какие — менее тяжкими, исходя из этого и принимается то или иное решение. Безусловно, для всего общества крайне тяжелыми будут последствия широкого масштаба, связанные, например, с той же экологической безопасностью. Недопущение таких последствий является одной из первоочередных задач руководства любой страны. Однако ее реализация сегодня исходит из постулата, сформулированного в свое время еще Ф. Гегелем: «Если государство требует жизни, то индивидуум должен ее отдать» [12, с. 211]. Анализируемое положение федерального закона полностью соответствует приведенному выше высказыванию, но при этом находится за пределами того правового поля, которое в первую очередь определяется Конституцией РФ, уголовным законодательством и той иерархией ценностей, которая в них закреплена.

В условиях наличия положений подобного рода, а также происходящей трансформации ответственности за посягательства на государственную власть и основы конституционного строя, появления целой совокупности иных (в том числе административных, организационных, экономических, информационных [13, с. 22] и др.) мер, направленных на обеспе-

чение дополнительной защиты государства, все утверждения относительно сохраняющегося приоритета личности над государством вряд ли можно признать состоятельными. Они не подтверждаются объективной действительностью, как не подтверждаются и реакцией самого государства на эту действительность.

Государство на нормативном уровне сегодня допускает возможность действия во благо собственных интересов, игнорируя им же продекларированные приоритеты уголовно-правовой охраны, в частности верховенство прав личности в иерархии системы ценностей, в тех случаях, когда факт его существования оказывается под угрозой. Как это ни парадоксально, но такая реакция часто вполне оправдана, более того, в определенных случаях она оказывается неизбежной, а ее отсутствие совершенно губительно уже для общества и отдельно взятой личности. При угрозе бунтов и переворотов задачей представителей власти становится ее утверждение. Как правило, при этом в уголовной политике реализуется в основном карательная идея [14, с. 60]. Отсюда самые жесткие меры по отношению к преступникам, включая и их ликвидацию, несмотря на всю спорность данного тезиса [15], зачастую оказываются единственным возможным способом решения проблемы [16].

Интересно, что смена идеи противодействия преступности в зависимости от внешних факторов распространяется не только на наиболее опасные формы ее проявления. Речь далеко не в последнюю очередь необходимо вести и об экономике, зависимость уголовно-правовой охраны которой от геополитических изменений также не вызывает каких-либо сомнений и находит непосредственное подтверждение в конкретных предписаниях УК РФ. С учетом существования серьезных взаимопроникающих связей, имеющих не просто межотраслевой, а межгосударственный, транснациональный характер в современной мировой экономике, оказывающих влияние на большинство политических решений, роль экономических факторов в трансформации пределов уголовно-правового противодействия преступности также нельзя недооценивать. Реакция государства на кризисные явления в экономике, зачастую напрямую обусловленные политическими процессами, оказывает не меньшее воздействие на объем и пределы уголовно-правовой охраны общественных отношений, что мы

¹ Идея превентивного воздействия на Западе не является новой. Она существует и эффективно реализуется и на гораздо более «приземленном» уровне, на уровне правовой регламентации, так называемых полицейских мер воздействия, которые полностью согласуются с нормами уголовного законодательства, на основании принципа «эффективного отражения опасности», согласно которому возможным является воздействие на лиц, вообще не представлявших собой источник опасности (см. об этом более подробно: [10]). Указанные положения зачастую выходят за рамки принципа законности, они явно целесообразны, эффективны и совершенно необходимы для получения требуемого результата [11, S. 108.8].

сегодня наблюдаем на примере тех изменений, которые происходят в современном отечественном уголовном законодательстве.

Так, в 2013 г. принципиальным образом изменились наименование и редакция ст. 193 УК РФ, которая стала называться «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации». В этом же году в УК РФ была включена ст. 193¹, устанавливающая ответственность за совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов. Внесены изменения в ст. 174¹ УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем». В 2015 г. вступили в силу поправки, меняющие пределы ответственности за совершение преднамеренного и фиктивного банкротства, а также за неправомерные действия при банкротстве.

В качестве реакции на происходящие события были предприняты меры, направленные не только на усиление воздействия, но и, наоборот, на ослабление репрессии. В частности, речь идет об объявленной в 2014 г. так называемой амнистии капиталов [17]. Уже сам факт такого акта со стороны государства обусловлен не чем иным, как теми процессами, которые произошли в международной финансово-правовой системе в 2013–2015 гг. Желание государства вернуть средства, находящиеся в теневом обороте, обусловленное экономическими факторами, вполне естественно. Однако его реализация возможна лишь за счет ослабления репрессии, а точнее, за счет полного ее исключения. В этом отношении обращает на себя внимание разнонаправленный характер уголовно-правовой политики государства, что также вполне объяснимо с позиции происходящих изменений геополитического характера. В этой связи можно в большей степени вести речь не о влиянии отдельных событий на содержание национального законодательства, а об уголовно-политическом характере таких изменений, способных оказать давление в целом на объем карательного воздействия как в одну, так и в другую сторону.

Во всяком случае практически любую трансформацию уголовно-правовой политики государства следует оценивать через призму впол-

не конкретных событий, происходящих в мире. Среди них в рамках рассматриваемого контекста особый интерес вызывают процессы, произошедшие в банковской системе Кипра в 2013 г., и в целом изменившийся подход к банковской тайне на мировом уровне [18], политика, направленная на деофшоризацию российской экономики, и, наконец, санкции Запада в отношении России, которые поэтапно вводились на протяжении почти всего 2014 года. Таким образом, в течение полутора-двух лет в мировой экономике произошли изменения по сути беспрецедентного характера. В результате таких изменений доминирование внешнего воздействия как на саму экономику, так и на средства, требуемые для ее защиты, также оказалось беспрецедентным, что повлекло за собой изменение не только уголовного, но и иных отраслей российского законодательства. Защита своей финансово-экономической системы для государства в сложившихся условиях (целенаправленного воздействия на нее извне) в определенный момент стала одной из приоритетных задач государства.

Хотя необходимо признать, что последовавшая реакция является не только результатом воздействия извне. Нельзя забывать, что мы вошли в период перенастройки всей мировой финансовой системы, которая не может проходить безболезненно ни для кого. И те же попытки отказа от доллара как от единой мировой валюты (что в данном случае следует относить в большей степени к факторам внутреннего характера, но имеющим серьезные последствия геополитического свойства) не могут проходить нейтрально ни для тех, кто от нее отказывается, ни для тех, чья экономика полностью построена на долларе. Возникающие при этом последствия такого отказа зачастую влекут за собой мощные риски для целых государств (не говоря уже об отдельно взятых людях), в частности, риск махинаций, способных нанести значительный экономический урон в масштабах финансово-экономических систем государств, многократно возрастает.

Таким образом, защита интересов государства вне зависимости от направленности внешних воздействий носит первоочередной характер. Данный факт находит свое подтверждение не только на уровне федерального законодательства, но и в позиции Конституционного Суда Российской Федерации — органа, решения которого априори должны быть направлены на охрану су-

веренитета нашего государства, в том числе и в сфере уголовно-правовой охраны общественных отношений. В частности, именно таковой была реакция данного органа судебной власти на решения Европейского суда по правам человека, которые начиная с 2010 г. были направлены на подрыв традиционной для нашего общества системы ценностей. В одном из них, например, делался вывод, согласно которому в России доминирует «гендерный предрассудок», заключающийся в восприятии женщин как главных воспитателей детей¹, на основе чего критической оценке была подвергнута позиция Конституционного Суда относительно особой, связанной с материнством социальной роли женщины в обществе [19]. И здесь нельзя не согласиться с В.Д. Зорькиным, который указывает, что решения данного органа — это не только юридический, но и в первую очередь политический акт [20], посредством которого в наше общество привносится то, что необходимо определенным силам на Западе². Таким образом, в данном случае нам пытаются навязать свои представления о семье и воспитании детей, представления, которые совершенно нетипичны для российского общества. Более того, эти представления, которые носят откровенно разрушительный характер, стали доминирующими в целом ряде западноевропейских стран. Это тоже факторы геополитического свойства, способные при несвоевременной реакции на них нашего государства серьезно трансформировать общественное сознание, при этом могут возникнуть необратимые последствия. За счет таких решений обеспечивается прежде всего целенаправленное идеологическое воздействие на общество, подрывающее его базовые основы, без которых становится невозможным нормальное функционирование и государственной власти³.

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 7 октября 2010 г. Дело «Константин Маркин против России» [Konstantin Markin v. Russia] (жалоба № 30078/06) (I секция) (извлечение). URL: <http://base.garant.ru/12185346/#ixzz3gW6nNL9r>.

² На откровенно политизированный характер международного правосудия указывают и другие авторы (см., напр.: [21]).

³ В частности, речь идет о решении ЕСПЧ о неправомерности отказа в проведении гей-парада в Москве; о принятии к рассмотрению (после нескольких лет раздумий) жалобы объединенной оппозиции о неlegитимности проведения выборов в Государственную Думу Российской Федерации в 2003 г. и др.

Интересно, что основной «всплеск» изменений, которые были внесены в УК РФ в части правовой регламентации ответственности за преступления, совершаемые против семьи и несовершеннолетних, приходится именно на 2010–2013 гг., что дает основания рассматривать их как реакцию законодателя на ранее предпринятые Западом попытки корректировки существующей в нашей стране системы нравственных ценностей.

Так, начиная с 2011 г. законодатель регулярно совершенствует редакцию норм, предусматривающих ответственность за преступления против семьи и несовершеннолетних. Все изменения с этого периода были направлены в основном на усиление репрессии за указанные посягательства. Подобное стало возможным как за счет ужесточения санкций, так и за счет появления в конструкциях статей новыхотягчающих обстоятельств, относящихся к деяниям данной группы. Всего в указанный период в те восемь составов преступлений, которые предусмотрены гл. 20 Уголовного кодекса, было внесено 13 изменений.

Еще большим изменениям была подвергнута гл. 18 УК РФ «Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности». Ответственность за данные посягательства была серьезно усилена, что далеко не в последнюю очередь произошло именно за счет такой категории потерпевших, как несовершеннолетние и малолетние. Речь, в частности, идет о возвращении в Уголовный кодекс так называемого специального рецидива (ч. 5 ст. 131, ч. 5. ст. 132, ч. 6 ст. 134 УК РФ и т.д.), что случилось впервые после полного отказа от него в рамках гуманизации отечественной уголовной политики в 2003 г.⁴ Это в том числе и установление минимального возраста потерпевшего — 12 лет — как отягчающего обстоятельства при совершении преступлений, предусмотренных ст. 134, 135 УК РФ.

⁴ Важно при этом иметь в виду, что в западноевропейских странах, несмотря на формируемую в отношении России разрушительную идеологию, противодействие данным посягательствам всегда находилось на традиционно высоком уровне, и со временем этот подход лишь ужесточался (см. об этом более подробно: [22, р. 106]). Данный тезис подтверждается многолетними исследованиями, проводимыми на Западе, которые и были положены в основу уголовной политики большинства стран, определяющей средства и уровень ответственности за посягательства данной группы (см. об этом более подробно: [23]).

Наряду с этим изменились и правила назначения наказания за преступления указанной группы и освобождения от него. Так, начиная с 2012 г. к лицам, совершившим преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не может применяться условное осуждение. Решение об условно-досрочном освобождении осужденных к лишению свободы может быть принято лишь в случае отбытия ими четырех пятых от назначенного наказания, что представляет собой максимальный срок по отношению к преступлениям других групп.

Есть все основания для того, чтобы рассматривать перечисленные изменения национального уголовного законодательства в качестве целенаправленного и вполне осознанного процесса, отражающего реакцию на многочисленные посягательства на нравственный суверенитет России. Безусловно, реакция эта гораздо более многогранна и выходит далеко за пределы УК РФ, находя свои проявления как на уровне федерального законодательства, так и на уровне иных подзаконных нормативных правовых актов, целевых программ и т.д. Неизменным остается факт их трансформации под влиянием внешних факторов, имеющих в конкретном случае явные признаки системной агрессии со стороны «игроков» геополитического масштаба.

Говоря о тех изменениях в российском уголовном законодательстве, которые произошли в последние несколько лет, нельзя не отметить их идеологическую направленность. Для государства крайне важной является прежде всего демонстрация своего отношения к происходящим в мире событиям, способным найти негативное проявление в том числе и в российском обществе. Выражение воли государства представляет собой шаг, необходимый для формирования в обществе мнения в требуемом направлении, внушения гражданам чувства защищенности от общественно опасных проявлений, особенно если эти проявления проецируются извне и вызывают в обществе вполне обоснованное чувство тревоги за будущее государства как оплота стабильности, а также национальной, исторической, религиозной и иной самоидентичности. Представляется, что идеологический компонент такой реакции нельзя недооценивать, более того, его реализация во многом способна обеспечить больший эффект, чем реали-

зация самих изменений, вносимых в уголовное законодательство. Уголовный закон в данном случае выступает лишь способом выражения «идеологического заказа», результатом которого сегодня является повышенный спрос на усиление охраны трех основных составляющих, разрушение которых в обязательном порядке приведет и к разрушению государства. В первую очередь речь идет об основах конституционного строя, неправомерное воздействие на который способно привести к последствиям необратимого характера. Во-вторых, это экономика как обязательное условие социальной стабильности и, в-третьих, нравственность, основные постулаты которой являются крайне важными для сохранения духовного единства общества. Указанные составляющие сегодня находятся под серьезным воздействием извне, зачастую в рамках факторов геополитического характера, в действительности не всегда имеющих прямое отношение именно к России, но так или иначе воздействующих на складывающиеся внутри страны общественные отношения. Все три составляющие носят наиболее общий характер, при этом негативное воздействие на каждую из них способно подрвать стабильность всего государства, что и влечет за собой трансформацию средств, необходимых для их охраны, в том числе и уголовно-правовыми средствами. В то же время признание приоритета охраны указанных ценностей означает не что иное, как хотя и не признаваемую официально, но реализуемую фактически смену самой идеи противодействия преступности. Смена эта произошла не сама по себе, а под давлением событий геополитического свойства и выглядит сегодня как естественная защитная реакция на попытки оказать влияние на процессы развития российского государства и общества. В последнее время эти попытки стали носить максимально агрессивный характер, что самым непосредственным образом повлияло на трансформацию уголовно-правовой политики государства и, как итог, отразилось не только на динамике изменений отечественного уголовного законодательства, но и на характере вносимых в него новелл. Его меняющийся облик в последние несколько лет представляет собой лишь следствие (хоть и не всегда логичное) меняющегося отношения к базовым ценностям, обусловленное во многом воздействием факторов геополитического масштаба.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эпплер Э. Демонизация Путина [Электронный ресурс] / Эрхард Эпплер // InoPressa. — 2014. — 12 марта. — Режим доступа : <http://www.inopressa.ru/article/12mar2014/sueddeutsche/demon.html>.
2. Schlanger Z. The American Who Dared Make Putin's Case [Electronic resource] / Zoe Schlanger // Newsweek. — 2014. — 3 Oct. — Mode of access : <http://www.newsweek.com/american-who-dared-make-putins-case-231388>.
3. Лопашенко Н.А. Изменение уголовно-правового воздействия и его влияния на меняющийся мир (в качестве постановки проблемы) / Н.А. Лопашенко // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2014. — № 3. — С. 13–19.
4. Кобзева Е.В. Об уголовной политике (под влиянием научных взглядов Н.А. Лопашенко) / Е.В. Кобзева // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2014. — № 3. — С. 20–28.
5. Власихин В.А. Ужесточение законодательства США [Электронный ресурс] / В.А. Власихин. — Режим доступа : <http://studies.agentura.ru/tr/usa/zakon>.
6. Прокофьев В. Французский парламент расширил полномочия спецслужб [Электронный ресурс] / Вячеслав Прокофьев // Российская газета. — 2015. — 6 мая. — Режим доступа : <http://www.rg.ru/2015/05/06/france-site.html>.
7. Мочилин Ю. Эстония ужесточает законодательство и вводит новые понятия в Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики [Электронный ресурс] / Ю. Мочилин. — Режим доступа : <http://novorus.info/news/vmire/35030-estoniya-uzhestochaet-zakonodatelstvo-i-vvodit-novye-ponyatiya-v-penitentsiarnyy-kodeks-estonskoy-respubliki.html>.
8. Бавсун М.В. Соотношение законности и целесообразности как основных принципов отечественного уголовного законодательства / М.В. Бавсун // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2010. — № 6. — С. 59–60.
9. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. — СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та : Изд-во юрид. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. — 592 с.
10. Schenke W.-R. Polizei- und Ordnungsrecht / Wolff-Ruedinger Schenke. — Heidelberg : Mueller, 2002. — Rn. 48.
11. Maurer H. Allgemeines Verwaltungsrecht / Hartmut Maurer. — Munchen : Bek, 1992. — XXVII, 748 S.
12. Пионтковский А.А. Уголовно-правовая теория Гегеля в связи с его учением о праве и государстве / А.А. Пионтковский ; отв. ред. И.Т. Голяков. — М. : Изд-во ВИЮН, 1948. — 367 с.
13. Меркурьев В.В. Противодействие технологиям «цветных революций» / В.В. Меркурьев, Д.А. Соколов // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом : материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Ставрополь, 25–26 сент. 2014 г. — Ставрополь : Сев.-Кавк. федер. ун-т, 2015. — С. 20–25.
14. Кленова Т.В. О недостатках идеологического подхода к определению норм уголовного закона / Т.В. Кленова // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью : сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. — Саратов : Сателлит, 2008. — С. 60–67.
15. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В.В. Орехов. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — 217 с.
16. Милуков С.Ф. Место наказания в системе мер государственного принуждения / С.Ф. Милуков // Проблемы борьбы с экономической преступностью и наркобизнесом при переходе к рынку : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. — СПб., 1994. — Ч. 2. — С. 11–15.
17. Латухина К. Амнистия капиталов начнется 1 июля [Электронный ресурс] / Кира Латухина // Российская газета. — 2015. — 8 июня. — Режим доступа : <http://www.rg.ru/2015/06/08/zakon-site-anons.html>.
18. Катаонов В. Конфискация банковских депозитов как глобальная перспектива [Электронный ресурс] / Валентин Катаонов // Фонд стратегической культуры. — 2013. — 6 июня. — Режим доступа : <http://www.fondsk.ru/news/2013/06/03/konfiskacia-bankovskih-depozitov-kak-globalnaja-perspektiva-20851.html>.
19. Голубкова М. Конституционный Суд Российской Федерации поставил свои решения выше международных [Электронный ресурс] / Мария Голубкова // Российская газета. — 2013. — 7 дек. — Режим доступа : <http://www.rg.ru/2013/12/07/reg-szfo/sud.html>.
20. Зорькин В.Д. Предел уступчивости [Электронный ресурс] / В.Д. Зорькин // Российская газета. — 2010. — 29 окт. — Режим доступа : <http://www.rg.ru/2010/10/29/zorkin.html>.
21. Наумов А.В. События на Украине: международное право и международное правосудие / А.В. Наумов // Современные проблемы уголовной политики : материалы 5-й междунар. науч.-практ. конф. — Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2014. — С. 7–9.
22. Managing High-Risk Sex Offenders in the Community: Risk Management, Treatment and Social Responsibility / ed. by K. Harrison. — Cullompton : Willan, 2010. — 336 p.
23. Legitimacy and compliance in criminal justice / ed. by A. Crawford, A. Hucklesby. — N.Y. : Routledge, 2013. — 222 p.

REFERENCES

1. Eppler E. The demonization of Putin. *InoPressa*, 2014, March 12. Available at: <http://www.inopressa.ru/article/12mar2014/sueddeutsche/demon.html>. (In Russian).
2. Schlanger Z. The American who dared make Putin's case. *Newsweek*, 2014, October 3. Available at: <http://www.newsweek.com/american-who-dared-make-putins-case-231388>. (In Russian).
3. Lopashenko N.A. Criminal justice response and its influence on the changing world (as a problem statement). *Biblioteka ugovornogo prava i kriminologii = A Library of Criminal Law and Criminology*, 2014, no. 3, pp. 13–19. (In Russian).
4. Kobzeva E.V. About criminal policy (under the influence of scientific views of N.A. Lopashenko). *Biblioteka ugovornogo prava i kriminologii = A Library of Criminal Law and Criminology*, 2014, no. 3, pp. 20–28. (In Russian).
5. Vlasikhin V.A. *Uzhestochenie zakonodatel'stva SShA* [Toughening of US legislation]. Available at: <http://studies.agentura.ru/tr/usa/zakon>.

6. Prokof'ev V. French Parliament granted extra authority to special forces. *Rossiyskaya gazeta*, 2015, May 6. Available at: <http://www.rg.ru/2015/05/06/france-site.html>. (In Russian).
7. Mochilin Yu. *Estoniya uzhestochaet zakonodatel'stvo i vvodit novye ponyatiya v Penitentsiarnyi kodeks Estonskoi Respubliki* [Estonia toughens its legislation and introduces new concepts into the penitentiary code of the Estonian Republic]. Available at: <http://novorus.info/news/vmire/35030-estoniya-uzhestochaet-zakonodatelstvo-i-vvodit-novye-ponyatiya-v-penitentsiarnyy-kodeks-estonskoy-respubliki.html>.
8. Bavsun M.V. Legitimacy and expediency as the main principles of domestic criminal legislation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Establishments. Jurisprudence*, 2010, no. 6, pp. 56–66. (In Russian).
9. Burlakov V.N., Volzhenkin B.V. (eds). *Sovremennye problemy i strategiya bor'by s prestupnost'yu* [Contemporary issues and the strategy of fighting crime]. St. Petersburg State University Publ., 2005. 592 p.
10. Schenke W.-R. *Polizei- und Ordnungsrecht*. Heidelberg, Mueller, 2002, Rn. 48.
11. Maurer H. *Allgemeines Verwaltungsrecht*. Munchen, Bek, 1992. XXVII, 748 S.
12. Piontkovskii A.A. *Ugolovno-pravovaya teoriya Gegelya v svyazi s ego ucheniem o prave i gosudarstve*. [Hegel's criminal law theory and its links to his theory of state and law]. Moscow, VIYuN Publ., 1948. 367 p.
13. Merkur'ev V.V., Sokolov D.A. Counteracting the «color revolutions» technologies. *Problemy teorii i praktiki bor'by s ekstremizmom i terrorizmom. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Stavropol', 25–26 sentyabrya 2014 g.* [Theoretical and Practical Issues of Fighting Extremism and Terrorism. Material of All-Russia Research Conference, Stavropol, Sept. 25–26, 2014]. Stavropol, North-Caucasus Federal University Publ., 2015, pp. 20–25. (In Russian).
14. Klenova T.V. On the drawbacks of an ideological approach to defining the norms of criminal law. In Lopashenko N.A. (ed.). *Ugolovno-pravovoi zapret i ego effektivnost' v bor'be s sovremennoi prestupnost'yu* [Penal Prohibition and its Efficiency in Counteracting Contemporary Crime]. Saratov, Satellit Publ., 2008, pp. 60–67. (In Russian).
15. Orekhov V.V. *Neobkhodimaya oborona i inye obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya* [Necessary defence and other circumstances abolishing the criminal character of an action]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2003. 217 p.
16. Milyukov S.F. The place of punishment of the system of state compulsion measures. *Problemy bor'by s ekonomicheskoi prestupnost'yu i narkobiznesom pri perekhode k rynku. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Issues of Fighting Economic Crimes and Drug Dealing in the Transition to Market Economy. Materials of International Research Conference]. St. Petersburg, 1994, pt. 2, pp. 11–15.
17. Latukhina K. Capital amnesty starts on July, 1. *Rossiyskaya gazeta*, 2015, June 8. Available at: <http://www.rg.ru/2015/06/08/zakon-site-anons.html>.
18. Katasonov V. Confiscation of bank deposits as a global prospect. *Fond strategicheskoi kul'tury = Strategic Culture Foundation*, 2013, June 6. Available at: <http://www.fondsk.ru/news/2013/06/03/konfiskatsiya-bankovskikh-depozitov-kak-globalnaya-perspektiva-20851.html>.
19. Golubkova M. The Constitutional Court of the Russian Federation put its decision above the international ones. *Rossiyskaya gazeta*, 2013, December 7. Available at: <http://www.rg.ru/2013/12/07/reg-szfo/sud.html>.
20. Zor'kin V.D. The limit to concessions. *Rossiyskaya gazeta*, 2010, October 29. Available at: <http://www.rg.ru/2010/10/29/zorkin.html>.
21. Naumov A.V. Ukrainian events: international law and international justice. *Sovremennye problemy ugolovnoi politiki. Materialy V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Contemporary Issues of Criminal Policy. Materials of V International Research Conference]. Krasnodar, Krasnodar University of MIA of Russia Publ., 2014, pp. 7–9. (In Russian).
22. Harrison (ed.). *Managing High-Risk Sex Offenders in the Community: Risk Management, Treatment and Social Responsibility*. Cullompton, Willan, 2010. 336 p.
23. Crawford A., Hucklesby A. (eds). *Legitimacy and compliance in criminal justice*. New York, Routledge, 2013. 222 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бавсун Максим Викторович — начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент, г. Омск, Российская Федерация; e-mail: kafedramvd@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бавсун М.В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства / М.В. Бавсун // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 3. — С. 483–493. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).483-493.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bavsun, Maxim V. — Head, Department of Criminal Law, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Ass. Professor, Omsk, the Russian Federation; e-mail: kafedramvd@mail.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bavsun M.V. The impact of geopolitical factors on changes in the state criminal law policy. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 3, pp. 483–493. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).483-493. (In Russian).